

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ НАСТОЯЩЕГО, ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО В СЕВЕРНОСЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ

Михаил КОНДРАТЕНКО

Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, Российская Федерация
E-mail: mmkondratenko@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-8777-541X

PRINCIPLES OF NOMINATING THE PRESENT, PAST AND FUTURE IN NORTH SLAVIC DIALECTS

Mikhail KONDRATENKO

Institute of Linguistic Studies at the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

ABSTRACT: One of the directions of linguistic analysis of the concept of “time” is to determine the way in which it is expressed in lexicon and phraseology, especially dialect lexicon, which is most closely connected with traditional culture. A characteristic feature of the folk worldview represented in dialectal vocabulary is the designation of the complex relationship between the past, present and future, particularly in such aspects as the presence of a linear sequence in these varieties of time and their location relative to each other. The meaning ‘now’, or ‘at the present time’, synthesizing its various interpretations (from the moment of speech, to the day and even the actual year) can be represented by a single lexeme, and is also carried out with the addition of an indexical pronoun. When denoting the past in the Slavic linguistic territory, different types of semantic motivation of naming are used: the past is something gone, the last, the old. A characteristic feature of the folk perception of time, depicted in dialects, is the absence of discontinuity and the linear sequence declared above between the past, present and future. It should also be noted the inconsistency of temporal and spatial interpretation of the concepts of “ahead” and “behind” in dialect lexicon.

KEYWORDS: the concept of time in Slavic dialects; past, present and future in dialectal lexicon; North Slavic dialects; nomination principles

0. Введение

Одно из направлений лингвистического анализа понятия „время“ заключается в определении способа, которым оно выражается в лексике и фразеологии, особенно диалектной, наиболее тесно связанной с традиционной культурой. Особенности номинации на лексико-семантическом уровне проявляются прежде всего в специфике языковой сегментации внеязыковой действительности и в принципах номинации реалий.

Лексика с темпоральным значением представляет собой традиционный объект изучения. Ей посвящены исследования Н. И. Толстого (Толстой, 2003), С. М. Толстой (Толстая, 2011), Е. С. Яковлевой (Яковлева, 1994), Е. М. Коницкой (Коницкая, 2008), Д. Ю. Ващенко (Ващенко, 2018). Нельзя не отметить статьи в коллективной монографии „Логический анализ языка. Язык и время“ Н. Д. Арутюновой (Арутюнова, 1997, с. 51-61), К. Г. Красухина (Красухин, 1997, с. 62-77), Е. В. Падучевой (Падучева, 1997, с. 253-266) и др. Настоящая статья посвящена одному из аспектов лингвистических штудий, связанных с лексикой времени.

Время получает различную интерпретацию в том или ином идиоме, но в любом случае эта интерпретация содержит указание на положение человека во временном пространстве, на предшествование или следование именуемого события, явления тому или иному периоду его жизни или на совпадение во времени с определенным периодом. В этом отношении характерной чертой народного мировосприятия, представленной в диалектной лексике, является обозначение сложной взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим, в частности в таких аспектах этой взаимосвязи, как наличие линейной последовательности у этих разновидностей времени и их расположение относительно друг друга.

1. Особенности семантической мотивации наименований настоящего, будущего и прошлого

Настоящее представляет собой подвижную точку отсчета, от которой измеряется тот или иной отрезок на временной оси, направленный в прошлое или будущее. Чаще всего за такой исходный пункт ориентации во временном пространстве принимается краткий текущий момент (сейчас), а также день или год (хотя возможна и другая актуальная ситуация).

Объединяет эти точки отсчета понятие „теперь“, содержание которого подвергалось интерпретации уже в античности. Аристотель писал: „если „теперь“ не будет, не будет и времени, ибо вместе существуют и перемещаемое с перемещением и число перемещаемого с числом перемещения (...) Время непрерывно через „теперь“, и разделяется посредством „теперь“ (Аристотель, 1981, с. 150). Таким образом, понятие „сейчас, теперь“ – это обращение не только к текущему моменту, но и ко времени вообще. Восприятие понятия „теперь“ как начала, исходного пункта для отсчета времени подтверждается и этимологией его обозначения (то первое): теперь < **terъrv-* (БЕР, 7, с. 955-956), ст.-слав. *топръво* (Фасмер, 1987, с. 43-44).

Значение ‘теперь’, или ‘в настоящее время’, синтезирующее в себе различные его толкования (от момента речи, до дня и даже актуального года) может быть представлено одной лексемой, предположительно восходящей к индоевропейскому **new* ‘новый’ (БЕР, 4, с. 651-652), например *ноне* в севернорусских говорах: ‘в настоящее время, теперь’ (*были бы врачи, как ноне, не дали бы сыну умереть*); ‘в этом году’ (*да измаялась я ноне с огородом*); ‘сегодня’ (*погода ноне плачет*) (СРГК, 4, с. 38); *ниньки(i)* в буковинских украинских говорах: ‘в актуальный продолжительный период’ – *нинькі ліпили жити, як колис* – и ‘сегодня’: *ниньки я йду на клаку до родини* (Бук., 2005, с. 334); *ніні* в северо-западном белорусском диалектном ареале: ‘сейчас, сегодня’: *чога нэ зробілі вчора, то зробімо ніні* (СБГ, 3, с. 224) – и *нонічы, ноньчы* ‘в этом году’: *нонічы здесь нет ягад; как ноньчы снегі былі, разліваецца возера крепка* (СБГ, 3, с. 233-234).

Актуализация события в настоящем часто осуществляется деиктически, с добавлением указательного местоимения. Так, в северо-западных белорусских говорах в данной семантической функции отмечены словосочетания, содержащие местоимения со значением ‘этот’ и существительное, обозначающее время вообще или астрономический год: *гэтым врэмем* (*хоць халадно было, але гэтым врэмем пасвілі каравы адзіналічна*) (СБГ, 1, с. 60); *буйныя яблыкі ў гэтым гаду* (СБГ, 1, с. 234).

Польское *dziś* ‘сегодня, теперь’ В. Борысь возводит к модели, в которой также используется указательное местоимение, но в постпозиции: *dziś* < *dzińś* < *dzieńś* < **dънь sъ* (‘этот, ближайший день’) (Boryś, 2005, s. 145). Этот способ обозначения настоящего представлен также в нижнелужицких говорах: *žinsa* ‘сегодня’ (*žinsa cely žen wědro pšebužo*) (сегодня целый день будет стоять хорошая погода) (Мука, 1, с. 104); в кашубских: *žis, žisô* (*chłeba našegoe pœwšednëgœ dej nôm žisô*) (хлеб наш насущный дай нам на сей день) (Ramułt, 1893, s. 159); *žis je lëxè vjodro* (сегодня плохая погода) (Ramułt, 1893, s. 176); в северо-западных белорусских говорах: *дзісь, дзіся: я дзісь сабакам не даваўшы; дзіся дошч ідзе* (СБГ, 2, с. 55).

Указательное местоимение придает значение временной актуальности также в польских говорах: *tera, terazy* (< *ten-raz* ‘в этот момент’) (Boryś, 2005, s. 630), а также в кашубском *terôz: ñe rozpalôj terôz woegña* (не разжигай сейчас огня) (Ramułt, 1893, s. 185).

Для обозначения настоящего используются, кроме того, производные с местоимением *сей*: в северо-западных белорусских говорах – *сёлета буйныя ягады параслі* (СБГ, 1, с. 234); в севернорусских говорах – *всёгоды* ‘нынче, в этом году’ (*лони гости были, а всёгоды и не едут*) (СРГК, 1, с. 243); *оседнесь* ‘сегодня’: *мы картошку оседнесь собирали* (СРГК, 4, с. 238).

С указанием на текущий момент времени за счет использования местоимения (**сь*) в постпозиции связаны обозначения текущего года, который также воспринимается как ‘сейчас, теперь’: в севернорусских говорах *летось* ‘этим летом’ (*летось – это сей год, а прошлый год, это уж не летось*) (СРГК 3, с. 119); в нижнелужицких – *lëtosa* (*wy mašo lëtosa wëliki bańe*) (в нынешнем году у вас большие тыквы) (Мука, 1, с. 13, 825); в кашубских – *latos rožo są sami knôpi* (в этом году рождаются только мальчики) (Ramułt, 1893, s. 182).

Будущее может быть представлено в славянской лексике как следующее далее, направленное вдаль: например, *надале* в закарпатских говорах (*надале мене вна не вбмане*) (Сабадош, 2008, с. 183). Будущее также связывается в сознании говорящего с надеждами, с реализацией его возможностей, в этом отношении это своеобразное пространство, простирающегося перед субъектом: *masz przed sobą przyszłość, widzę ją jasno* (Szadura, 2017, s. 140).

Отмечена возможность использования образа будущего как мотивационной основы для настоящего: *предбудущий* ‘этот, текущий’ (о времени) (*задумал я жениться в предбудущем году*) (СРГК, 5, с. 139).

Обозначения прошлого преобладают в количественном отношении над манифестациями настоящего и будущего. Возможно, это связано с тем, что уже произошедшее, случившееся не может быть подвержено активному воздействию, но очень важно для говорящих, поэтому сохраняется в памяти и сегментируется языком.

При обозначении прошлого на славянской языковой территории используются различные виды семантической мотивации наименования. Внутренняя форма может указывать на то, что прошлое – это нечто ушедшее. Так, в севернорусских говорах отмечена лексема *прошина* ‘прошлое, прежняя жизнь’ (*если о прошине говорить, была тоня Песчанка, не рыбачат там сейчас*); прошлое может быть представлено как находящееся в глубине времени: *глубко* ‘очень давно’ (*мои обязанности лесные, это глубоко, рассказать трудно*) (СРГК, 1, с. 340).

Другой формой представления прошлого является его внутренняя форма как последнего: *за пусл’ідн’і годы Петро силно закыс* (Сабадош, 2008, с. 98) в закарпатских украинских говорах; *остатне* ‘в последнее время’ в северо-западных белорусских говорах: *я остатне меў на званчаках воза* (СБГ, 3, с. 264); аналогично в польском – *ostatnio* (старопольское и диалектное *ostatny* ‘последний, после которого нет следующего’) (Boryś, 2005, s. 400).

Прошлое – это ‘то, что было до сих пор’: в украинских буковинских говорах *домепер* (*він ші домепер памнітаї, як ховзавси на патилах і впає*) (Бук, 2005, с. 391). Таким же образом прошлое обозначается в севернорусских говорах: *подосюльщина* ‘давно прошедшая жизнь, прошлое’ (*она подосюльщину всю расскажет*) (СРГК, 4, с. 657).

Прошлое может быть представлено как старое время: в севернорусских говорах *стариковина* ‘давно минувшее время, старина’ (*про стариковину вот рассказать просят*) (СРГК, 6, с. 313); при использовании этого принципа номинации распространенным способом является использование корня *davn-*: в лужицких говорах *dawnota* ‘прошедшее, прежнее время’ (Pfuhl, 1866, s.110), кроме того, в закарпатских – *стародавина* ‘давние времена, обычаи’ (*муй унук л’убит слухати про стародавину*) (Сабадош, 2008, с. 342); в северо-западных белорусских – *даўней*: *даўней, як пралі чуць не да рانیцы* (СБГ, 1, с. 272).

Еще один тип обозначения прошлого – представление его как бывшего ранее: *раньчи* ‘прежде, некогда’ в украинских буковинских говорах: *раньчи було так багато чорногузів по хатах, а тинер лиш дес* (Бук., 2005, с. 450); *раней* в северо-западных белорусских: *раней дзікія людзі былі, нічога не знали* (СБГ, 2, с. 52); в севернорусских говорах *раней* ‘прежде, раньше’ (*там раней ведь люди жили*) (СРГК, 5, с. 442).

В исследованиях, посвященных взаимосвязи темпоральных и локальных понятий, уже делались некоторые выводы об использовании маркеров, соотносящих событие с прошлым или будущим, а именно: об определенной асимметрии – эквиваленты предлога со значением ‘перед’ встречаются чаще, чем эквиваленты ‘позади, после’ (Menzel, 2014, с. 328). Иными словами, обозначения для прошлого представлены в большем количестве. Кроме того, как правило прошлое оценивается более положительно, чем настоящее: *даўней крапчэйшыя людзі былі* (СБГ, 2, с. 517); *přěšlost nôleži Boegu* (прошлое принадлежит Богу) у кашубов (Ramułt, 1893, s. 176).

2. „Синтез“ времен как особенность полисемии темпоральной лексики

Обычно во временной последовательности выделяются периоды, отражающие совпадение с неким актуальным состоянием человека, предшествованием ему или следованием за ним, определяемые как настоящее (происходящее в данный выбранный для исчисления период), прошлое (произошедшее ранее, до этого периода) и будущее (то, что должно произойти впоследствии). Подобное соотношение „времен“ часто манифестируется соотносительными парами лексем: например, *раніши – тинер* (*раніши рахували яйця на клані, а тинер на дисятки*) или *колис – тинер* (*тинер навіть жінки їдуть на колясках, а колис хто се ви́гів*) в украинских буковинских говорах (Бук., 2005, с. 207); *раней – цяпер* и *калісь – цяпер* в северо-западных белорусских: *раней казалі – мыю хусты, цяпер – мые бальё* (СБГ, 1, с. 160). Подобное сопоставление возможно путем использования указательных местоимений со значениями ‘этот’ и ‘тот’: *гэтыя годы я нічога не зажываю, а тыя гады закіну і закіну капейку* (СБГ, 2, с. 217).

Однако традиционно постулируемое деление временной последовательности на прошлое, настоящее и будущее на самом деле не всегда отличается четкими границами.

Одной из особенностей данного лексического пласта, обозначений настоящего, прошлого и будущего, является наличие нескольких содержательных планов в рамках одной лексемы. Эта ассоциативная связь между разными лексическими значениями, относящимися к темпоральной сфере, основывается на общем образе, или символе, который объединяет эти значения.

Характерной особенностью восприятия времени, запечатленного в народных говорах, является отсутствие прерывности и декларируемой выше линейной последовательности между прошлым, настоящим и будущим. Между ними существует тесная связь, реализуемая в семантической сфере словарного состава и устойчивых выражений: прошлое переходит в настоящее (и сохраняется в нем благодаря сознанию человека), а из настоящего рождается будущее. В этом отношении особый интерес вызывают лексемы, семантика которых синтезирует в себе представление о времени как о едином пространстве, фрагменты которого, скорее, дополняют друг друга, а не противопоставляются. В частности, это может выражаться в сочетании значений, отсылающих нас то в прошлое, то в настоящее или будущее: так, в севернорусских говорах лексема *ночесь* обозначает как ‘прошлой ночью’ (*ночесь – дак это ночь, которая прошла, вот, была ночь-то*), так и ‘будущей ночью’ (*ночесь буду делать уколы*) (СРГК, 4, с. 48-49); *летось* ‘прошлым летом, в прошлом году’ (*летось сколько животин поцапали кто-то*) и ‘этим летом’ (*летось – это сей год, а прошлый год, это уж не летось*) (СРГК, 3, с. 119); лексема *нынче* – ‘сегодня’ и ‘недавно’ (*нынче – это у нас не сегодня, а недавно*) (СРГК, 4, с. 56); *стогды* ‘давно, когда-то’ (*стогды думала, когда-то думала про детей, про мужа*) и ‘вслед за этим’ (то есть после какого-события, в будущем по отношению к первому действию) (*сперва голышку свяжешь, а стогды носок начнешь*) (СРГК, 6, с. 337).

В представлениях о будущем запечатлен опыт жизни в прошлом. Именно этот феномен, возможно, отражается в лексемах, обозначающих одновременно прошлое и будущее.

Подобную картину членения семантической сферы „время“ и ее модели демонстрируют различные славянские говоры. В некоторых севернорусских лексемах проявляется связь прошлого и настоящего, а именно наличие значений: ‘прежде, недавно, доныне’ и ‘только что’, которые передают процесс „перерастания“ прошлого в настоящее: *этта* (*этто*) ‘недавно’ (*этто было тепло, а нонь нет тепла*) и ‘в настоящее время, теперь, сейчас’ (*этто я отворю подпольницу, спущу тебя*) (СРГК, 6, с. 939); *даветь* ‘недавно’ (*даветь ходили в сад, набрали много зелени*) и ‘давно, в старину’ (*венцы даветь были звенячи*) (СРГК, 1, с. 421).

Похожий семантический феномен (совпадение недалекого и далекого прошлого в значениях одной лексемы) в севернорусских говорах наблюдается в наречиях *оногда* ‘недавно’ (*оногда приехала обратно, два дня, можно и три, немного дней назад*) и ‘тогда, когда-то’ (*оногда была я в городе, так не было ситцу*) (СРГК, 4, с. 200); *ономедни* ‘недавно’ (*ономедни – недавно значит было*) и ‘давно’ (*все это ономедни было, родненькие*) (СРГК, 4, с. 201); *лони* и *лонись*: *лони(е)* ‘в прошлом году’ (*лони купили мешок овса, ну, в тот год, который прошел*), ‘раньше, прежде’ (*лони делали это-то да то-то, старики начнут вспоминать – все лони*), ‘недавно’ (*только лони съездили в гости*), ‘сейчас, теперь’ (*лони нету; в эти годы совсем мало рыжиков*); ‘вчера’ (*лонись-то, вчерась значит, прошлый день*) (СРГК, 3, с. 146).

Лексема *ономедь* в севернорусских говорах включает в себя весь спектр значений: от прошлого до будущего: ‘недавно’ (*посидни нацевала она у нас; ономидь, кто скаже ономидь, кто посидни, а все одно – недавно*), ‘давно’ *ономедь это было, ну, давно, в прежние времена*), ‘очень скоро, в ближайшее время’ (*ономедь в город съездить надобно, посмотреть парнишке пальто*) (СРГК, 4, с. 201). В этом же диалектном ареале выражение *на годах* обозначает ‘недавно, несколько лет назад’ (*я на годах в Мончегорск ездила, лет так пять назад*) и ‘в ближайшие годы’ (*он должен на пенсию выходить на годах*), а при наличии уточнения с помощью местоимения *этой* – только ‘несколько лет назад’ (*на этих годах она была на Кубе*) (СРГК, 1, с. 350); *недолго* ‘в скором времени, через небольшой промежуток времени’ (то есть в будущем) (*по тятне будешь ходить, недолго сапоги вырвешь*) и ‘недавно’ (то есть в прошлом) (*недолго платок одела и уже откинула*) (СРГК, 3, с. 403). В северо-западных белорусских говорах: *ка(г)дзе* ‘недавно, только-что’ (*кагде карміла куранят – і зноў крычаць*) и ‘через некоторое время, быстро’ (*некагде прыдзе ён*) (СБГ, 2, с. 355-356).

Подобные семантические сдвиги можно наблюдать и в других диалектных зонах Славии. При номинации глобальных отрезков времени актуализируется удаленность события от

момента речи, неопределенность его положения на временной оси, а не направленность в прошлое или будущее: так, лексема *другуч* в болгарских родопских говорах манифестирует одновременно семемы ‘в другой раз’ (то есть в будущем) и ‘когда-то, раньше’ (в прошлом) (Стойчев, 1970, с. 167).

3. „Пространственная“ локализация прошлого и будущего

С точки зрения В. Эванса, „... события, которые были пережиты, концептуализируются как увиденные. Вещи, которые видны, расположены перед эго, в силу человеческой физиологии. Из этого следует, что прошлое концептуализируется как находящееся перед эго. Напротив, события, которые еще предстоит пережить, концептуализируются как находящиеся за эго, место, недоступное человеческому зрительному аппарату“ (Evans, Green, 2006, p. 94).

Другими словами, представляя будущее, говорящий переносит моменты прошлого по другую сторону от актуальной точки отсчета на оси времени.

Обычно восприятие будущего связывается в нашем сознании с понятием „впереди“, которое наряду с обладанием семантикой физического пространства (в частности в закарпатских говорах – *іди наперед, йа т'а догон'у* (Сабадош, 2008, с. 181)), действительно, может ассоциироваться с будущим; однако в диалектной лексике оно соотносится также с предшествованием событию или действию, например, *за с'іно дай гроші наперет* (то есть дать деньги до того, как получишь сено) (Сабадош, 2008, с. 181).

На семантический феномен энантиосемии при переносе пространственных значений ‘впереди’ и ‘сзади’ на темпоральные отношения указывала Е. В. Падучева, ссылаясь на примеры из Словаря Срезневского: „слова *передний* и *задний*, будучи антонимами, имеют каждое по два противоположных смысла – и ‘прошлое’, и ‘будущее’“ (Падучева, 2004, с. 391-392). Об этом же на материале современного русского языка писали Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев (Булыгина, Шмелев, 1997, с. 374).

Предшествование, то есть локализация в прошлом, может обозначаться как нахождение вначале, впереди по отношению к обозначаемому событию.

В пространстве времени впереди – это раньше: *вперед* ‘сначала, раньше’ (*вперед жили на двадцать четвертом квартале, потом магазин перенесли*); *сперезе* ‘раньше, в более раннем возрасте’ (*хоть с трех, хоть сперезе годов теперь в ясли, в сад детской отдадут*) (СРГК, 6, с. 250). Поэтому вчерашний день – впереди сегодняшнего: *переденный* ‘вчерашний’ (*иной раз дак переденный хлеб-то [...] привезут*) (СРГК, 4, с. 440). Таким образом, ‘впереди’ в физическом и во временном пространствах не совпадают. Это выявляется, если сравнить *перезе* ‘впереди кого-нибудь’ (*попы шли перезе, потом гробницу святого несли*) и *перезно* ‘раньше, в прежнее время’ (*перезно я все с первого жару мылась*) (СРГК, 4, с. 444-445); *наперед* ‘впереди других’ (*молодые наперед едут, а дружки [...] за нима едут*) и ‘раньше’ (то есть в прошлом) (*они наперед нас уехали*); *наперез* ‘прежде, раньше’ (*наперез на дороге попадались грибы*) (СРГК, 3, с. 358);

В буковинских украинских говорах в функции предшествования отмечена лексема *оперед* ‘сначала’: *оперед мовив, тоді сів* (Бук., 2005, с. 367), кроме того, *передом* ‘прежде, раньше’, то есть в прошлом (*я просила передом свою сусідку, аби міні лишила ванна*) (Бук., 2005, с. 400).

В кашубских говорах подобную роль выполняют лексемы *přòdè* (одновременно: ‘впереди’ и ‘раньше’): *přòdè žélè leže dleži, jak nińa* (‘раньше (впереди) люди жили дольше, чем сейчас’) (Ramułt, 1893, s. 177); *vpřòd: vpřòd bélé stolémi, dopjeřé poetemu naši leže* (раньше были великаны, только потом наши люди) (Ramułt, 1893, s. 256) при ином значении лексемы *přòd* ‘передняя часть чего-либо’ (*to je přòd, a to je tił* – это передняя сторона, а это задняя) (Sychar, 1970, s. 207). В польском *naprzód* с XIV в. ‘впереди’, ‘перед собой’, ‘перед другими’ и ‘раньше’ (Boryś 2005, s. 495-496).

Это семантическое явление характерно и для южнославянского ареала: в болгарских родопских говорах *напреш* ‘прежде, раньше’, *ен-нъпр'аиш* ‘прежде, раньше всего’ (то есть, впереди – в прошлом) (Яворова, 2017, с. 14).

Однако лексема *вперед* может обладать в севернорусских говорах и другим значением, а именно: ‘впрок, про запас’, то есть с направленностью в будущее (*а вперед у нас ... никака копеечка нейдет*); аналогично: *впереди* ‘раньше, прежде’ и *впередки* ‘на будущее время, впрок’

(СРГК, 1, с. 238); *вперед* ‘в будущем’ (не знаю, что будет *вперед*) (АОС, 1987, с. 140) и ‘раньше’ (то есть в предшествовании) (*клуб вперед строен*) (АОС, 1987, с. 141).

Значением ‘в прошлом’ в севернорусских говорах обладает также лексема *назад* (*заднее это было слово, как назад говорили, сейчас не говорим*) (СРГК, 3, с. 322); следует отметить, кроме того, прилагательное *задний* ‘старый, прошлый’ (*заднее время не воротится назад; заднюю ту жизнь всю и вспомнила, когда он ушел да*); ‘устаревший’ (*заднее слово, это было слово, как назад говорили, сейчас не говорим*) (СРГК, 2, с. 116).

Значение ‘позади’ может ассоциироваться, кроме того, с будущим: *задний* ‘следующий’ (то есть направленный в будущее: *в задний раз что подкинешь?*) (СРГК, 2, с. 116); *позади* ‘потом, после’ (*она училась, а позади опять училась*) (СРГК, 5, с. 27); *сзади* ‘потом, спустя некоторое время’ (*я не мастер была петь, я сзади подпою, а начать не умею*) (СРГК, 6, с. 83). Наречие *долго* которое в литературном языке обозначает длительный отрезок времени до события (то есть в прошлом) в этом диалектном ареале имеет значение ‘по прошествии долгого времени после какого-нибудь события’ (*отцу и матери сообщили долго, уж и похоронили ... а потом сообщили*) (СРГК, 2, с. 116).

В северо-западных белорусских говорах представлено восприятие прошлого как расположенного впереди на оси времени: *напераду* ‘вначале’ и ‘раньше’ (*мая матка напераду памёрла*) (СБГ, 3, с. 399); также *унарад* ‘раньше, в прошлом’: *унарот па-беларуску и па-польску размаўлялі* (СБГ, 2, с. 556; 5, с. 215-216); *перадам* ‘раньше’ (*дзедушка умер перадам*) (СБГ, 5, с. 207); *наперад* (*наперат харч* (корм скоту) *цягалі на санях*) (СБГ, 5, с. 290); *перуч* ‘раньше’ (*перуч білі ўчанікоў ў школе*). Этимологически лексема *перуч* связана предположительно с болгарским *пряк* ‘прямой’ или с **perь* и **сь* (то есть: перед чем-то) (ЭСБМ, 2004, с. 98).

При этом прошлое в северо-западных белорусских говорах воспринимается также как находящееся позади: *узад* ‘назад, от настоящего к прошлому’: *чатыры гады ўзад я чытаў кнігу, дваццаць гадоў узат яны сюды прыехалі* (СБГ, 5, с. 186). Та же семантическая модель реализуется и в заимствовании *устэч* ‘назад’ (из *wstecz*): *тое ж было два лет устэч* (СБГ, 5, с. 237).

С другой стороны, лексемы *ззаду*, *ззадзі* передают значение ‘на какое-то время позднее’: *ён ззаду на гот вучыцца* (СБГ, 2, с. 307). Таким образом, локализация на оси временной последовательности имеет в данных примерах необычный характер, а именно: расположение впереди оказывается, с точки зрения пространственного значения, сзади.

В польском языке фиксируется та же особенность семантики лексемы *przód* со значением ‘впереди’: *nie wolno cały czas żyć przeszłością, trzeba patrzeć w przód* (нельзя постоянно жить в прошлом, нужно смотреть вперед [то есть в будущее]) (Szadura, 2017, с. 134); при этом в польских говорах: *przodu*, *przodziej* – ‘ранее, прежде’ (Szadura, 2017, с. 137).

По-видимому, в восприятии времени можно констатировать аналогию с восприятием пространства, в частности его начала и конца. Можно говорить о контаминации понятий ‘конец’ и ‘начало’, что свидетельствует о более общем значении предела, а не его локализации во времени и пространстве. Так, в севернорусских говорах лексема *край* обозначает как начало, так и конец: ‘конец, предел чего-нибудь’ (*уж ночи край, придет край жизни скоро, дочитаю до краю*) и ‘начало чего-нибудь’ (*кино с краю не видела, дак не знаю, про что*) (СРГК, 3, с. 7).

На основании исследуемого материала можно сделать вывод о том, что каждое явление, стратифицируемое во времени, представляет собой начало следующего явления и находится с ним в неразрывной связи.

4. Выводы

Таким образом, прошлое, настоящее и будущее, эти важнейшие аспекты осознания человеком себя во времени, обладают рядом особенностей в принципах их номинации. Настоящее представляет собой актуальную темпоральную ситуацию для говорящего и имеет различную протяженность. Значение ‘теперь, сейчас’ манифестируется как специальными лексемами, так и сочетанием с существительным местоимений, указывающих на незначительную удаленность. Прошлое предстает в диалектной лексике как нечто ушедшее, старое, случившееся ранее. Семантика удаленности характерна для обозначения будущего.

К особенностям номинации настоящего, прошлого и будущего относится возможность совмещения в семантике одной лексемы указания на положение события и в прошлом, и в

настоящем, и в будущем. Уточнение локализации на оси времени осуществляется за счет контекста. Следует также отметить несовпадение темпоральной и пространственной интерпретации понятий „вперед“ и „сзади“ в диалектной лексике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АОС (1987)** *Архангельский областной словарь*. Вып. 5. Москва: изд-во МГУ, 160 с. (*Arhangel'skii oblastnoi slovar'*. Vyp. 5. Moskva: izd-vo MGU, 160 p.)
- Аристотель (1981)** *Сочинения*. В 4-х т. Т. 3. Москва: Мысль, 550 с. (*Aristotel. Sochinenia*. V 4-h t. T. 3. Moskva: Mysl', 550 p.)
- Арутюнова Н. Д. (1997)** *Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – Москва: Издательство «Индрик», 1997, 352 с. С. 51-61. (*Arut'unova, N. D. Vremia: modeli i metafori // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremia* / Otiv. red. N. D. Arut'unova, T. E. Yanko – Moskva: Izdatel'stvo „Indrik“, 1997, 352 p. Pp. 51-61.)
- БЕР (1971-2010)** *Български етимологичен речник*. Т. 1 – 3. София: Издателство на Българската академия на науките. Т. 4-7. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“. 1971-2010. (*Balgarski etimologichen rechnik*. T 1-3. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite. T. 4-7. Sofia: Akademichno izdatelstvo „Prof. Marin Drinov“. 1971-2010)
- Булыгина, Т.В., Шмелев, А. Д. (1997)** *Языковая концептуализация мира*. Москва: Школа „Языки русской культуры“, 576 с. (*Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. Yazykovaia kontseptualizatsia mira*. Moskva: Shkola „Yazyki russkoi kul'tury“, 576 p.)
- Бук. (2005)** *Словник буковинських говірок* / За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці: Рута. 688 с. (*Slovnnyk bukovinskih govirok* / za zag. red. N. V. Guivanyuk. Chernivtsi: Ruta, 688 p.)
- Вашенко Д. Ю. (2018)** Словацкие субстантивы со значением кратковременности в составе генитивной конструкции: к специфике сочетаемости // *Slověne*. Vol. 7, № 2. С. 321–340. (*Vashchenko, D. Ju. Slovatskie substantivy so znacheniem kratkovremennosti v sostave genitivnoii konstruksii: k spetsifike sochetaemosti // Slověne*. Vol. 7, № 2. s. 321–340).
- Коницкая Е. М. (2008)** К сопоставлению темпоральных фрагментов словенской и русской языковых картин мира: суточное время // *Respectus Philologicus*. Nr 14 (19), Kaunas, s. 177-185. (*Konickaia, E. M. K sopostavleniyu temporal'nyh fragmentov slovenskoi i russkoi yazykovykh kartin mira: sutochnoe vremia // Respectus Philologicus*. Nr 14 (19), Kaunas, Pp. 177-185).
- Красухин К. Г. (1997)** Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // *Логический анализ языка. Язык и время* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – Москва: Издательство «Индрик», 1997, 352 с. С. 62-77. (*Krasukhin, K. G. Tri modeli indoevropskogo vremeni na materiale leksiki i grammatiki // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremia* / Otiv. red. N. D. Arut'unova, T. E. Yanko – Moskva: Izdatel'stvo „Indrik“, 1997, 352 p. Pp. 62-77).
- Падучева Е. В. (1997)** *Давно и долго // Логический анализ языка. Язык и время* / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко – Москва: Издательство «Индрик», 1997, 352 с. С. 253-266. (*Paducheva, E. V. Davno i dolgo // Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremia* / Otiv. red. N. D. Arut'unova, T. E. Yanko – Moskva: Izdatel'stvo „Indrik“, 1997, 352 p. Pp. 253-266).
- Падучева, Е. В. (2004)** *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры, 608 с. (*Paducheva, E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 608 p.)
- Сабадош, І. (2008)** *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району*. Ужгород, 480 с. (*Sabadosh, I. Slovnnyk zakarpatskoi govirkky sela Sokyrnytsa Khustskogo rayonu*. Uzhgorod, 480 s.)
- СБГ (1979-1986)** *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т*. Мінск: Навука і тэхніка. (*Sloŭnik belaruskih gavorak paŭnochna-zahodniai Belarusi i yae pagranichcha: u 5 t*. Minsk: Navuka i tehnika)
- СРГК (1994-2005)** *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып.* Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета. (*Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastei: v 6 vyp*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta)

- Толстая С. М. (2011)** Пространство и время в этнолингвистической перспективе // *Пространство и время в языке и культуре* / Отв. редактор С. М. Толстая. — Москва: Индрик, 2011, 368 с. С. 7-12. (*Tolstaya, S. M. Prostranstvo i vremia v etnolingvistichekoii perspektive // Prostranstvo i vremia v yazyke i kul'ture* / Отв. red. S. M. Tolstaya. — Moskva: „Indrik“, 2011, 368 p., Pp. 7-12).
- Толстой Н. И. (2003)** Времени магический круг // *Очерки славянского язычества*. — Москва: «Индрик», 2003. 624 с. С. 27-36. (*Tolstoi, N. I. Vremeni magicheskii krug // Ocherki slavianskogo yazychestva*. — Moskva: „Indrik“, 2003, 624 p., Pp. 27-36).
- Стойчев, Т. (1970)** Родопски речник // *Българска диалектология. Книга V*. София: Издателство на Българската академия на науките. С. 152-221. (*Stoichev, T. Rodopski rechnik // Balgarska dialektologia. Kniga V*. Sofia: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite. Pp. 152-221)
- Фасмер, М. (1987)** *Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах*. Т. 4. Москва: „Прогресс“, 864 с. (*Fasmer, M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4-h tomah*. Т. 4. Moskva: „Progress“, 864 p.)
- ЭСБМ (2004)** *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 9. Мінск: Бел. навукa, 367 с. (*Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy*. Т. 9. Minsk: Bel. navuka, 367 p.)
- Яковлева Е. С. (1994)** *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)* - Москва: Издательство «Гнозис», 1994, 344 с. (*Yakovleva, E. S. Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* – Moskva: Izdatel'stvo „Gnosis“, 1994, 344 p.)
- Яворова, Х. (2017)** *Към характеристиката на тихомирския говор в началото на XXI век (с оглед на лексиката)*. Дипломна работа. Пловдивски университет „П. Хилендарски“. Филиал „Л. Каравелов“ – гр. Кърджали. Кърджали, 2017, 88 с. (*Yavorova, H. Kam harakteristikata na tihomirskia govor v nachaloto na XXI vek (s ogleđ na leksikata)*. Diplomna rabota. Plovdivski universitet „P. Hilendarski“. Filial „L. Karavelov“ – gr. Kardzhali. Kardzhali, 2017, 88p.)
- Boryś, W. (2005)** *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005, 863 s.
- Evans, V., Green M. (2006)** *Cognitive Linguistics. An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2006, 830 p.
- Mentzel, T. (2014)** Der Instrumental des Ortes und der Zeit in den slavischen Sprachen. Zweiter Teilband // *Studia Slavica Oldenburgensia* 24.2 hrsg. von Rainer Grübel, Gerd Hentschel und Gun-Britt Kohler. Oldenburg: BIS-Verlag der Carl von Ossietzky Universität Oldenburg, 271 p.
- Muka, A. (1966)** *Słownik dolnoserbskeje řečy a jeje narěcow*. 2 Bände. Budyšin, 1203 s.
- Pfuhl, C. T. (1866)** *Lausitzisch Wendisches Wörterbuch*. Budyšin: Maćica Serbska, 1866, 1210 s.
- Ramult, S. (1893)** *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*. Kraków, 1893, 298 s.
- Sychta, B. (1970)** *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. T.4. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 433 s.
- Szadura, J. (2017)** *Czas jako kategoria językowo-kulturowa w polszczyźnie*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2017, 438 s.